

3. Статистичний щорічник України за 2013 р. / за ред. О. Осауленка. – К. : Державна служба статистики України, 2014. – 533 с.

4. Страна одних миллионеров [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.svoboda.org/content/article/25224856.html>.

5. Костюк У. Фінансування природоохоронної діяльності в Україні: сучасний стан та шляхи покращення / У. Костюк // Інноваційна економіка. – 2015. – № 1. – С. 182.

6. Бюджетний Кодекс України : Закон України від 08.07.2010 р. (у редакції від 25.10.2015 р.) // Відомості Верховної Ради України. – 2010. – № 50–51. – Ст. 572.

7. Про охорону навколишнього природного середовища : Закон України від 25.06.1991 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1992. – № 41. – Ст. 546.

8. Про Основні засади (стратегію) державної екологічної політики України на період до 2020 року : Закон України від 21.12.2010 р. // Відомості Верховної Ради України. – 2011. – № 26. – Ст. 218.

9. Про Державний бюджет України на 2015 рік : Закон України від 28.12.2014 р. // Відомості Верховної Ради України. – 2015. – № 5. – Ст. 37.

10. Положення про Державний фонд охорони навколишнього природного середовища : Постанова Кабінету Міністрів України від 07.05.1998 р. № 634 у редакції від 07.04.2006 р. № 462 // Офіційний вісник України. – 1998. – № 19. – Ст. 692.

11. Порядок планування та фінансування природоохоронних заходів: Наказ Мінприроди України від 12.06.2015 р. № 194 // Офіційний вісник України. – 2015. – № 68. – С. 149. – Ст. 2245.

12. Порядок проведення відбору цільових проєктів екологічної модернізації підприємств : Постанова Кабінету Міністрів України від 18.09.2013 р. // Урядовий кур'єр. – 2013. – № 214.

13. Порядок використання коштів резервного фонду бюджету : Постанова Кабінету Міністрів України від 29.03.2002 р. № 415 (у редакції від 06.08.2015 р.) // Офіційний вісник України. – 2002. – № 14. – С. 124. – Ст. 734.

ПОТЕНЦИАЛ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДОГОВОРА К ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ХАРТИИ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ГЕНЕРИРУЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ВЕТРОЭНЕРГЕТИКИ

Виктория ГОЛЕНКО,

аспирант

Института экономико-правовых исследований
Национальной академии наук Украины

Summary

The article is dedicated to investigation of the Energy Charter Treaty as separate forming element of normative agreement and premise of formation of legal status of wind energy generative enterprises. The objective problem of the Energy Charter Treaty – contradictoriness at bottom and concerning the system of international-legal acts is considering. The lacks of indicated urgent act of international-legal regulation of energy, including wind energy, are revealed. The potential of improvement of the Energy Charter Treaty in force is determinate.

Key words: normative agreement, the Energy Charter Treaty, wind energy, generative enterprises, legal status, energy-safety, potential of improvement.

Аннотация

Статья посвящена исследованию Договора к Энергетической хартии как отдельной составляющей нормативного договора и предпосылки формирования правового статуса генерирующих предприятий ветроэнергетики. Рассматривается объективная проблема Договора к Энергетической хартии – противоречивость по сути и относительно системы международно-правовых актов. Выявлены недостатки данного первоочередного акта международно-правового регулирования энергетики, в том числе и ветроэнергетики. Определен потенциал совершенствования действующего Договора к Энергетической хартии.

Ключевые слова: нормативный договор, Договор к Энергетической хартии, ветроэнергетика, генерирующие предприятия, правовой статус, энергетическая безопасность, потенциал совершенствования.

Постановка проблемы. Отдельной составляющей нормативного договора как самостоятельного источника права и одновременно ведущего элемента формирования нормативно-правовой основы правового статуса, в частности, генерирующих предприятий ветроэнергетики предстает принятый в 1994 году на основе и во исполнение Европейской энергетической хартии Договор к Энергетической хартии. Данный первоочередный акт международно-правового регулирования энергетики, в том числе ветроэнергетики, является единственным в своем роде юридически обязательным соглашением относительно межправительственного сотрудничества в энергетическом секторе, которое охватывает весь энергетический цикл (от производства до потребления), энергетические продукты и оборудование. В силу этого главной целью обозначенного Договора является укрепление

правовых норм по вопросам энергетики посредством создания единого свода правил, которых должны придерживаться все правительства, чтобы снизить уровень рисков в энергетической отрасли, тем самым обеспечив ее длительное развитие как на национальном, так и на международном уровнях. То есть, Договор к Энергетической хартии играет ключевую роль в контексте обеспечения усилий по созданию правового поля глобальной энергетической безопасности и его реализации, что предстает предпосылкой формирования соответствующего уровня правового статуса в том числе генерирующих предприятий ветроэнергетики, в частности относительно Украины, которая ратифицировала указанный Договор Законом от 06 февраля 1998 года.

Однако, учитывая вышеобозначенное, следует рассмотреть Договор к Энергетической хартии в целом, чтобы обратить внимание на его объективную

проблему – противоречивость по сути и относительно системы международно-правовых актов, а именно: первоочередный акт международно-правового регулирования, которым является Договор к Энергетической хартии, из-за существующей неурегулированности вопросов энергетической безопасности, закрепленной в нем первоосновой, предстает документом, который создает препятствия и опровергает усилия иных актов относительно обеспечения и реализации устойчивого развития мировой и, прежде всего, национальной энергетики, в том числе ветроэнергетики. Все это побуждает к совершенствованию действующего Договора к Энергетической хартии как практической реализации преодоления проблемы, приведенные последствия которой уже сегодня имеют место в Украине и нуждаются в скорейшем устранении.

Актуальность темы. Проблема несовершенства Договора к Энергетической хартии как акта международно-правового регулирования энергетики, безусловно, признается учеными и экспертами-правоведами со всего мира, что отражается в исследованиях Ю.П. Горячей, А.А. Конопляника, И.В. Гудкова, П.Г. Лахно, Т.В. Вальде. Однако существующие наработки касаются только общего обзора проблемы и являются сегодня не воспринятыми практически, что обуславливает необходимость более детального ее изучения. Последнее предусматривает первоочередное определение потенциала совершенствования Договора к Энергетической хартии посредством выявления его недостатков, в частности, в свете развития ветроэнергетики.

Объективная проблема Договора к Энергетической хартии, которая выражается в противоречивости по сути и относительно системы международно-правовых актов, предстает не столько теоретической, сколько практической, что обуславливает не только ее актуальность, но и острую определенность, в частности, в свете развития ветроэнергетики относительно формирования правового статуса генерирующих предприятий. В подтверждение обозначенного факта – относительно противоречивости в системе, целесообразно привести несколько цитат из трудов известного специалиста по международному энергетическому

праву – профессора Т.В. Вальде: «Договор к Энергетической хартии стал возможен лишь в результате ряда компромиссов, которые нашли отражение в многочисленных расплывчатых и противоречивых формулировках»; «... для Договора к Энергетической хартии характерна существенная неопределенность толкований»; «... получился мучительно сложный правовой документ, в котором великие принципы провозглашаются, а затем смягчаются, откладываются или вообще отменяются (как правило, в менее заметной форме приложений и прилагаемых деклараций и пониманий). Для того, чтобы понять Договор к Энергетической хартии, необходимо оценить лабиринт текстуальных компромиссов...»; «... многие страны переходного периода имели (а зачастую и до сих пор имеют) лишь самое поверхностное представление о масштабах, содержании и последствиях взятых на себя обязательств. Такое неравноправие и асимметрия в плане понимания и силы переговорных позиций потенциально могут использоваться против самого Договора к Энергетической хартии, если этого потребуют политические интересы» [1, с. 209]. Что же касается противоречивости по сути, то она предстает в ключевых вопросах, которые регулирует Договор к Энергетической хартии, чем порождает широкий потенциал неотложной необходимости их совершенствования.

Цель статьи состоит в первоочередном определении потенциала совершенствования действующего международно-правового регулирования энергетики, в том числе ветроэнергетики, в рамках Договора к Энергетической хартии, посредством выявления его недостатков.

Изложение основного материала исследования. Таким образом, инвестиции – самый главный и одновременно сложный и неоднозначный вопрос. Поскольку, в соответствии с пунктом 1 статьи 10 Договора к Энергетической хартии [2], в случае возникновения коллизии с иными, чем в Договоре к Энергетической хартии, условиями договоров, которые заключаются между сторонами, относительно инвестиций приоритет имеют более благоприятные положения выше обозначенного Договора, что дает возможность обходить усмотрение, которое проявляется в

первых. Такой императив имеет место, хотя очевидно не отвечает первоосновам мирового и, в частности, европейского энергетического правопорядка – развитию и совершенствованию посредством внедрения энергобезопасности, энергоэффективности и энергосбережения, как следствие, исключает какую-либо возможность самостоятельно формировать и корректировать эффективную инвестиционную составляющую, что, в частности, имело решающее влияние на отказ от подписания Договора к Энергетической хартии такой развитой страны, как Соединенные Штаты Америки. Подобная ситуация сформировалась и в случае с Российской Федерацией, которая все-таки подписала указанный Договор, но не ратифицировала его, что объясняется нежеланием страны отказываться от фиксированных диспозитивных положений договоров относительно инвестиций, которые согласуются с основами правопорядка в энергетическом секторе. Однако, в отличие от вышеприведенных государств, Украина поспешила с принятием обозначенного инвестиционного положения, ратифицировав в 1998 году Договор к Энергетической хартии, поскольку имела при этом лишь поверхностное представление о его содержании, которое на самом деле подразумевает сдерживание энергетического развития страны [3, с. 2]. Это сдерживание выражается непосредственно в подмене урегулированных в соответствии с европейскими энергетическими постулатами диспозитивных начал энергетического права в контексте договоров относительно инвестиций на императивные, которые, вопреки всем ожиданиям, не увеличивают долю «качественных» инвесторов, а, наоборот, уменьшают ее, вводя все чаще отклонение от императива «как должное», что не содействует улучшению инвестиционного климата в энергетике, в частности в сфере возобновляемых источников энергии, отрасли ветроэнергетики относительно генерирующих предприятий.

Предстает, бесспорно, значимым и то, что вопрос относительно инвестиций – их качества, количества, условий предоставления – входит в компетенцию и относится исключительно к юрисдикции каждого отдельного государства, что обеспечивает незави-

симость последнего. Но еще больший интерес вызывает тот факт, что данная основа закреплена в самом Договоре к Энергетической хартии – пункт 12 статьи 10, и корреспондируется со статьей 18 части IV [2]. Таким образом, каждой стране гарантируется сохранение ее суверенного права на применение ограничений доступа иностранных инвесторов в энергетику. Однако данные ограничения должны быть фиксированными, обоснованными с точки зрения отстаивания собственных интересов и закрепляться во внутривладе государственном энергетическом порядке, который, к тому же, должен быть приведен в соответствие с международно-правовыми энергетическими нормами [4, с. 53]. То есть, базовое «ограничение» по вопросу относительной инвестиций, в отличие от определенного в действующем положении Договора к Энергетической хартии, имеет единственно координирующий, а не регулирующий характер и предстает как собственное право страны в отношении самой себя, не нарушая суверенность иных государств, устанавливается преимущественно диспозитивным и направлено исключительно на устойчивое энергетическое развитие. Таким образом, по данному вопросу Договор к Энергетической хартии порождает противоречие энергетической безопасности, когда энергетика, в частности возобновляемая энергетика – ветроэнергетика, которая традиционно воспринимается как наиболее закрытая национальная отрасль и сфера экономики, оказывается «впереди» иных отраслей хозяйствования по вопросам правовой либерализации, что, несмотря на все ожидания, не приводит к ее прогрессивному развитию, а, наоборот, сопровождается стагнацией.

Иным проблемным фрагментом Договора к Энергетической хартии предстает вопрос доступа на энергетические рынки договорных сторон, который продолжает негативную тенденцию противоречия принципу энергетической безопасности, закрепленному самим Договором. Так, «мягкие» нормы статьи 18 части IV обозначенного международно-правового акта [2] относительно доступа к энергетическим ресурсам допускают итоговую обобщенную трактовку,

в соответствии с которой открытие энергетических рынков трансформируется из декларации в четко установленную обязанность. Последствием ее исполнения с учетом неотвратимости международного инвестиционного «ограничения» является полный всеобъемлющий регресс развития энергетической отрасли отдельного государства [5, с. 20]. Во исполнение вышеприведенного противоречивого императивного положения Договора к Энергетической хартии нормами этой же статьи 18 части IV [2] предусматривается необходимость удовлетворения его первоочередного требования относительно открытия энергетического рынка в целом. То есть, устанавливается условие, в соответствии с которым каждое государство, ратифицировавшее указанный Договор, в том числе Украина, должно в пользу глобального энергетического развития в рамках организации региональной экономической интеграции (межгосударственного объединения) – Европейского Союза, независимо от того, является ли оно его государством-членом, и вопреки иным международно-правовым актам и собственному законодательству, которые основаны на принципе энергетической безопасности, открыть доступ к собственным энергетическим ресурсам. Это представляет, прежде всего, угрозу выработки ресурсной базы энергетике определенной страны, причем не в пользу ее развития и энергетической безопасности в целом.

Следующим требованием, которое должно быть исполнено в соответствии с прописанной в пункте 4 статьи 18 части IV Договора к Энергетической хартии [2] обязанностью открытия энергетических рынков, является беспрецедентное обязательство содействовать доступу на отдельные «передовые» сегменты энергетического рынка, к которым принадлежат непосредственно ведущие отрасли традиционной энергетики (изменяются от государства к государству), сфера возобновляемых источников энергии, в том числе отрасль ветроэнергетики, и связанные с ними новейшие технологии, разработки и оборудование. То есть, в дополнение к первому требованию обозначается заимствование, а со временем и изъятие наиболее ценных достижений энергетического сектора

относительно каждой договорной стороны. Так, в рамках общего базового принципа энергетической безопасности опровергается и принцип национального суверенитета над энергетическими ресурсами, особенно над природными энергетическими ресурсами, включая энергию ветра. К тому же в который раз нарушается баланс интересов [6]. Речь идет, прежде всего, о взаимности выше определенного доступа к энергетическим ресурсам, которая является объективно невозможной по двум причинам: из-за независимых от воли договорных сторон разных характеристик энергетических рынков (наличия или отсутствия определенного энергетического ресурса) и изначально умышленного бездействия ведущей стороны.

И, в конце концов, заключительным требованием «в перспективе» во исполнение прописанной в пункте 4 статьи 18 части IV Договора к Энергетической хартии [2] обязанности открытия энергетических рынков предстает «революционная» идея относительно заключения в будущем Дополнительного договора, который должен окончательно внедрить концепцию «открытых дверей» в энергетическом секторе и, соответственно, монополизировать, сбалансировать и модернизировать его как на уровне отдельного государства, так и на международном уровне в целом. Следует отметить, что указанный Дополнительный договор, в соответствии с пунктом 4 статьи 10 Договора к Энергетической хартии [2], определяется как инвестиционный. Следовательно, если раньше инвестиции очерчивались волеизъявлением договорных сторон, то с принятием Дополнительного договора планируется открыть для инвестиций весь энергетический сектор каждой из стран, даже его особо ценные стратегические сферы и работы. При таких обстоятельствах наблюдается не только вхождение, но также освоение и закрепление иностранных инвесторов в национальной энергетике, в частности украинской. В силу этого усматривается планомерное сокращение отечественных инвесторов и участников энергетического рынка, что, в свою очередь, отвечает вышеуказанной логике: или большинство недискриминационному доступу,

или ненадлежащее энергетическое развитие [7]. Данный факт констатирует, что действие принципа энергетической безопасности, а также производных от него принципа суверенитета над энергетическими ресурсами и принципа взаимной выгоды остается голословным и окончательно опровергается. Следовательно, устойчивое развитие энергетического сектора, в частности, на национальном уровне с принятием Дополнительного договора станет недостижимым, к тому же наиболее вероятно его движение в обратном направлении.

Таким образом, проблемный вопрос обязательного доступа на энергетические рынки договорных сторон, закрепленный в пункте 4 статьи 18 части IV Договора к Энергетической хартии [2], объединяет в себе такие противоречивые требования, что говорить о том, что такое положение вещей взаимовыгодно, поскольку предоставляются одинаковые условия, в том числе инвестиционные, доступа ко всему объему энергетических ресурсов как договорным сторонам – государствам, так и организации региональной экономической интеграции (межгосударственному объединению) не представляется возможным. Все это находит свое подтверждение на практике. Ведь как развитые договорные стороны, так и те, которые развиваются, продолжают придерживаться существующих и вводят новые ограничения доступа, в том числе инвестиций, к собственным энергетическим секторам. Например, Третий энергетический пакет, который вступил в силу в 2009 году, предусматривает меры ограничения относительно доступа иностранных инвестиций к сектору транспортировки энергии [8, с. 73]. То есть, это свидетельствует о том, что даже последователи Договора к Энергетической хартии, которые юридически связаны неотвратимостью исполнения его положений – обеспечением доступа на энергетические рынки, фактически не придерживаются их, что говорит о неурегулированности последних, которая приводит к упадку энергетики.

Заключительным, однако не последним по важности проблемным вопросом Договора к Энергетической хартии предстает разрешение споров. Так, в соответствии с подпунктом (а)

пункта 3 статьи 26 и подпунктом (h) пункта 3 статьи 27 части V Договора к Энергетической хартии [2], каждая договорная сторона дает свое безусловное согласие на передачу спора в международный арбитраж или примирение; решение арбитражного суда является окончательным и обязательным для договорных сторон, которые являются сторонами в споре. Следовательно, очерченное императивное наделение международного арбитража компетенцией единолично рассматривать споры относительно функционирования энергетического сектора в целом и каждой отдельной договорной стороны является предвзятой и неправомерной мерой, поскольку арбитражу в данном случае приписывается роль не только межгосударственного, а и внутригосударственного судебного органа, что нарушает юрисдикционный суверенитет каждой из договорных сторон, в том числе Украины, и их собственные интересы, в частности, в энергетике и ее стратегической сфере возобновляемых источников энергии.

Другим аспектом вышеобозначенного проблемного вопроса является то, что, в соответствии с пунктом 6 статьи 26 и подпунктом (g) пункта 3 статьи 27 Договора к Энергетической хартии [2], арбитражный суд разрешает спор в соответствии с данным Договором и применимыми нормами и принципами международного права. То есть, никакого применения национального законодательства договорных сторон относительно споров, в которых они бесспорно являются стороной с собственными интересами, которые должны были бы защищаться, не предусматривается. Это снова противоречит содержанию пункта 1 статьи 18 самого Договора к Энергетической хартии [2] в отношении обеспечения суверенных прав договорных сторон относительно энергетических ресурсов и содержанию пункта 12 статьи 10 этого же Договора [2] относительно обеспечения национальным законодательством эффективных средств для отстаивания исков в отношении прав, в том числе инвестиционных, в энергетическом секторе. Однако стоит отметить, что даже в самом пункте 1 статьи 18 Договора [2] уже предстает столкновение интересов договорных сторон и лоббирование одного

из них, которое проявляется во внутренней коллизии нормы, поскольку изначально положение закрепляет, что договорные стороны признают государственные суверенитет и суверенные права касательно энергетических ресурсов. Между тем, уже следующая трактовка говорит о том, что договорные стороны снова подтверждают, что суверенитет и суверенные права должны осуществляться в соответствии с нормами международного права и в зависимости от них.

Кроме этого, как уже было указано выше, международному арбитражу делегируется право применения при разрешении энергетического спора, в том числе касательно инвестиций, исключительно норм и принципов международного права, в частности положений Договора к Энергетической хартии. Однако, учитывая особенности неурегулированного противоречивого характера вышеобозначенных положений Договора, арбитраж выполняет не столько правоприменительную, сколько правотворческую функцию и, следовательно, заблаговременно направлен лоббировать интерес только одной договорной стороны – организации региональной экономической интеграции (межгосударственного объединения). К тому же, конфиденциальный характер международного арбитража, отсутствие прецедентного подхода делают невозможным прозрачность и последовательность практики применения соответствующих положений Договора к Энергетической хартии, что, однако, предстает гарантией обеспечения предпрещенности результата [9, с. 19].

Все обозначенное выше приводит к тому, что на практике приведенное отсутствие гибкости защиты интересов в отрасли энергетики наряду с иными указанными основаниями по-прежнему все больше стран, особенно тех, которые осторожно относятся к передаче споров по вопросам энергетики в международный арбитраж и не готовы отказаться от суверенного юрисдикционного иммунитета, отказаться от подписания и ратификации Договора к Энергетической хартии. К таким государствам можно отнести, в частности, страны Латинской Америки, которые придерживаются доктрины Кальва, и Норвегию, которая ар-

гументировала отказ от ратификации Договора к Энергетической хартии тем, что ее конституция не позволяет согласиться на подчинение споров по вопросам энергетики международному арбитражу [9, с. 20].

Выводы. Таким образом, отсутствие баланса интересов договорных сторон в отрасли энергетики, в том числе инвестиционных, нарушение суверенных прав посредством открытого доступа к энергетическим ресурсам и, в результате, сдерживание энергетического развития договорных сторон, которое получает свое завершение в окончательном и обязательном решении Международного арбитражного суда, позволяет квалифицировать Договор к Энергетической хартии как договор, который нарушает гарантированный им базовый принцип энергетической безопасности и принцип взаимной выгоды, тем самым увеличивая уровень рисков и опровергая целевое обеспечение устойчивого развития энергетической отрасли как на национальном, так и на международном уровнях. Поэтому потенциал совершенствования действующего международно-правового регулирования энергетики, в том числе и ветроэнергетики, в рамках Договора к Энергетической хартии сводится к выявлению недостатков относительно следующих вопросов и их аспектов: инвестиций (их качества, количества, условий предоставления); доступа на энергетические рынки договорных сторон (открытие энергетического рынка в целом, содействие доступу на отдельные «передовые» сегменты энергетического рынка); разрешения споров (компетенции международного арбитража единолично рассматривать споры, осуществления правосудия, руководствуясь исключительно нормами и принципами международного права). Все это предоставит возможность в дальнейшем сформировать свод действенных нормативных предложений относительно совершенствования действующего международно-правового регулирования первоочередных вопросов энергетической отрасли в рамках Договора к Энергетической хартии, что при условии их реализации будет содействовать, в частности, формированию соответствующего уровня правового статуса генерирую-

щих предприятий ветроэнергетики и, соответственно, развитию отрасли в целом, в том числе в Украине.

Список использованной литературы:

1. Вальде Т.В. Международные инвестиции в соответствии с Договором к Энергетической хартии 1994 г. / Т.В. Вальде // Договор к Энергетической хартии: путь к инвестициям и торговле для Востока и Запада. – М., 2002. – С. 209–274.

2. Договір до Енергетичної Хартії та Заключний акт до неї. Протокол до Енергетичної Хартії з питань енергетичної ефективності і суміжних екологічних аспектів від 17 грудня 1994 р. № 995_056 // Офіційний портал Верховної Ради України [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/995_056.

3. Газізуллін І. Газовий ринок України: європеїзація та російський чинник. Аналітична записка / І. Газізуллін, Л. Лозовий. – К., 2011. – 13 с.

4. Гудков И.В. Третий энергетический пакет ЕС: разъединение вертикально интегрированных компаний и ограничение прав инвесторов из третьих стран / И.В. Гудков // Нефть, Газ и Право. – 2007. – № 5. – С. 53–60.

5. Конопляник А.А. Вхождение Украины в Договор об Энергетическом Сообществе ЕС со странами Юго-Восточной Европы: последствия для всех заинтересованных сторон / А.А. Конопляник // Нефть и газ. – 2011. – С. 20–36.

6. Габуев А. Недоговоренности на высшем уровне / А. Габуев // Коммерсант. – 2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kommersant.ru/doc/1165444>.

7. Энергетическое сообщество стран Юго-Восточной Европы как инструмент внешней энергетической политики ЕС // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 5 (36). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=837:2011-05-31-09-08-11&catid=1:eurasianintegration&Itemid=42.

8. Білоцький С.Д. Енергетичне співтовариство, Третій енерге-

тичний пакет ЄС і правове регулювання альтернативної енергетики / С.Д. Білоцький, О.О. Гріненко // Український часопис міжнародного права. – 2012. – № 1. – С. 69–76.

9. Гудков И.В. Энергетическая стратегия России в системе программных документов: внутригосударственные и международно-правовые аспекты / И.В. Гудков, П.Г. Лахно. – 2010. – № 1. – С. 7–23.